Как только прозвучал ответ, на мой висок обрушился ещё один поцелуй.

— Мы должны подобрать костюмы и маски вместе, — Кин нежно погладил меня по запястью.

Неужели он уже заметил? На моем запястье ничего не было, потому что я оставила свой браслет горничной, когда принимала ванну. Кольцо... Я носила его всё это время.

Вокруг было темно, поэтому я думала, что ему будет сложно заметить, но я ошиблась.

— И надо купить тебе новый браслет.

Голос Кина не был похож на обиженный. Невольно я почувствовала облегчение. Я не должна чувствовать душевное спокойствие из-за этого. Почему мне настолько неприятна мысль о том, что я могу причинить боль тому, от кого мне нужно отдалиться? Ругала я себя мысленно.

Когда разговор прекратился, я почувствовала, как сердце Кина стучит у меня за спиной. Или это мое? Я не хотела ни того, ни другого. Потому что оно стучало слишком быстро.

Если это мое сердце, я хотела бы сказать ему, чтобы оно успокоилось, потому что иначе я попаду в ад, а если это сердце Кина, я хотела бы сказать ему, чтобы он успокоился, потому что не сможет ничего добиться.

Но я всегда выбирал худшее, и сейчас ничего не изменилось. Это было так забавно, что мысленно я рассмеялась.

«Ха».

Они оба бились, как сумасшедшие. Быстро, громко. Словно заметив это, Кин позвал меня по имени.

— Эйли.

Я не хотела отвечать, поэтому уткнулась лицом в его руку.

— Я сделаю всё, что ты захочешь.

Он сказал, что сделает, а не что попытается сделать. Громкие и высокопарные слова практически заставили меня негодовать. Как ты можешь сделать всё, что я хочу, дурак?

...Ты даже не послушал меня, когда я попросила развестись со мной, потому что умираю.

— Я сохранил это место, потому что хотел, чтобы ты чувствовала себя комфортно, когда я приведу тебя сюда, но, если тебе не нравится, я избавлюсь от всего.

Он пытался соблазнить меня своими медоточивыми речами. У меня болело сердце из-за того, что Кин пытался меня очаровать своими сладкими словами.

— Итак, Эйли.

Поток его слов прервался. Зачем ты остановился? Судя по всему, кажется, он пытается сказать, чтобы я оставалась рядом с ним. Пришло время смело отказаться.

— Я люблю тебя.

Его неожиданное признание словно пронзило меня. Я только подумала, что к огромному облегчению я лежу к нему спиной в этот момент. Если бы я была повёрнута к нему лицом, то он бы заметил моё глупое выражение.

Я не ответила на его признание и держала рот на замке.

«Ты здесь хуже всех».

Серьёзно, самый. Плохой.

* * *

Каждый раз, когда спокойное озеро освещалось солнечным светом, его поверхность блестела, как серебристая чешуя рыбы. Журчание воды, когда лодочка рассекала её поверхность, немного успокаивал стук сердца.

«Итак».

Что я здесь делаю?

— У моей невестки такие красивые волосы. Всё-таки хорошо быть молодой.

Шух, шух.

Мои волосы, которые отросли до лопаток, моя свекровь аккуратно заплетала в косу. Она

напевала позади меня, песня звучала очень приятно.

Я растерянно уставилась на озеро перед собой, не поднимая головы.

«Почему всё повернулось именно так?»

Глядя на спокойную поверхность озера, я начала вспоминать, что произошло.

Этим утром я открыла глаза от голоса Кина, который разбудил меня так же сладко, как и вчера.

— Эйли, давай позавтракаем.

Позавтракаем? Я растерянно открыла глаза, а затем вскрикнула. Всё благодаря кому-то, кто великодушно демонстрировал свою фигуру с самого утра, сняв с себя верх.

— К-куда делась твоя одежда?

Прошлой ночью он точно ложился спать одетым. Проблема была в том, что его одежда не выполняла свою функцию. Но теперь даже она, которая едва прикрывала Кина, исчезла, и он приветствовал меня своим освежающим видом. Кин пожал плечами, как будто это было пустяком.

— Должно быть это произошло из-за моей привычки спать голым.

—...Ты можешь надеть её снова.

— Почему я?

Что значит «почему»? Ты меня об этом спрашиваешь?

Я не могла хорошо разглядеть его прошлой ночью, потому что было темно. Однако теперь, когда наступило утро, верхняя часть его тела была отчетливо видна. Я покраснела от вида его перекатывающихся мышц.

— ... Ты простудишься.

— И это всё? — Кин уставился на меня. Возможно, из-за того, что он был голым, это казалось

странным, хотя его взгляд ничем не отличался от обычного. — Я не простужаюсь, поэтому могу ходить и так.

В конце концов я заставила себя откровенно сказать Кину:

— Мне неловко смотреть на тебя.

Конечно, это было не потому, что мне не нравилось на него смотреть, а потому, что мое сердце билось очень сильно, мне было почти неловко…

Я сдерживаюсь так же сильно, как и ты, поэтому, пожалуйста, не двигайся. Этот дурак никогда не узнает, что я люблю его всем сердцем.

Кин притворился, что напряженно размышляет о моем ворчании, а затем дерзко улыбнулся.

— Лично меня всё устраивает, но, если тебе неудобно, можешь одеть меня сама. Твой муж не собирается одеваться.

— Что ты…

— Тот, кто находится в более отчаянном положении, должен действовать.

Ошеломлённая новым потоком чуши, я не могла вымолвить ни слова. Я хотела сразу же возразить, но просто молчала. Всё потому, что я не знала, чем ещё меня соблазнит Кин, если я скажу хоть что-то.

«Кто знает, что ты можешь сделать, если я скажу это?»

Засопев, я схватила валявшуюся на полу его ночную рубашку. Из-за того, что мы оба сидели на кровати высокому Кину не надо было наклоняться, чтобы мы сравнялись ростом.

Он спокойно раскрыл объятия, а я внутренне смутилась, потому что мне придётся подойти к нему ближе, чем я думала. Я чувствовала, что Кин пристально смотрит на меня сверху вниз.

Чтобы надеть рукава, мне пришлось почти обнять его. Затаив дыхание, я позволила ему сунуть руку в один рукав, а затем, наполовину обняв его, вдела другую. Мое сердце билось как сумасшедшее, потому я впервые приблизилась к нему. Каждый раз, когда я дышала, я чувствовала, как мое дыхание касается его кожи. Так же, как его — моей.

«Я-я коснулась его».

Я подумала, что если не сделаю этого, он так и будет ходить передо мной без одежды, поэтому быстро одела Кина, касаясь его груди и пресса.

«Мне нравится его тело».

Я не хотела, чтобы меня поймали с красным лицом, поэтому притворилась, что это не так и резко произнесла:

— Я больше не буду этого делать.

Как только я выполнила задание, я взглянула на Кина, который держался на расстоянии, словно пытался убежать. Он больше не был расслабленным. Вместо этого Кин закрыл руками лицо, а кончиики его ушей покраснели.

— Теперь я тоже сожалею об этом.

Грудь Кина вздымалась и опадала неоднократно, словно он пытался успокоиться.

Фух, нужно продержаться ещё немного. Я плохо слышала, но, кажется, Кин пробормотал себе под нос что-то в этом роде:

— Это было немного опасно.

Мои пальцы дернулись при словах Кина. Невольно мой взгляд чуть не опустился, но я с трудом взяла себя в руки. Я неуклюже выбралась из постели и неловко улыбнулась.

Кин всё ещё сидел, опустив голову. Я решила, что настало время отступить, потому что он, похоже, этого не заметит.

— Ты куда уходишь?

— Мне нужно время побыть одной… П-поэтому я…

Я попыталась сбежать, но меня поймали.

Он попытался сбежать, но был пойман. К счастью, мне не нужно было время, чтобы побыть одной.

Кин прикусил мою губу и быстро застегнулся. Прошлой ночью именно он не мог этого сделать, но сейчас, словно получив большой урок, он относился ко мне заботливо, аккуратно застегнувшись на все пуговицы.

Даже после этого я завтракала в странной и неловкой атмосфере. На самом деле, я была единственной, кто чувствовал себя неловко. Потому что Кин сверлили меня глазами, словно мог проглотить меня в любой момент.

— Эйли, мне действительно надо уйти?

Он настойчиво пытался остаться, но я его выгнала и сразу же почувствовала себя спокойно. У меня не было никаких дел после завтрака, поэтому я лениво поглядывала в окно. Но вскоре после этого в дверь постучала горничная.

— Леди Минерва прислала вам лекарство, которое полезно для тела. Она просила передать, что его лучше всего принимать после завтрака. Могу я принести его сейчас?

Когда я услышала, что она дала мне лекарство, я испугалась. Это яд? Но я не могла отказаться.

Как человеку, которого очень ненавидели, мне было бы лучше получать всё, что мне передавали через горничную. В противном случае она придёт ко мне позже и отругает. Большинство причин заключалось в том, что я осмеливалась отказываться от подарков, не зная, что там, или в том, что я не хотела их им дарить.

Нравится мне это или нет, я должна была остаться ту ещё на месяц. Я уже показала себя с плохой стороны во время чаепития, поэтому лучше просто повиноваться.

— Хорошо. Принеси его.

Я кивнула, и горничная лучезарно улыбнулась и налила мне лекарственный отвар. Она смотрела на меня сияющими глазами и гордой улыбкой, а затем прошептала:

— Я слышал, что это действительно хорошая вещь, госпожа. Это очень редкое лекарство, которого нет даже в императорской семье? Как вам? Вам понравилось?

Пристальный взгляд обременял меня, поэтому я кивнула, отводя глаза. Со временем я узнаю, яд это или нет, но вкус был прекрасный. Отвар был не совсем горьким, он был подслащён, видимо, в него добавили мёд. Когда я открыла рот, чтобы передать благодарность свекрови, горничная произнесла:

— Леди Минерва хотела бы увидеться с вами днём, если вы не возражаете, хорошо?

Я не ожидала, что мы встретимся так скоро. Я ответила с чашкой чая во рту, чтобы скрыть свой бледный цвет лица.

— Передай, что я согласна.

— Хорошо, тогда я подготовлю вас.

Я уже боялась того, что должно было произойти днём.

«Всё в порядке. Я уже через многое прошла».

Просто продержись ещё немного. Совсем чуть-чуть.

Я поставила чашку, следуя за горничной, которая вывела меня из комнаты со счастливой улыбкой.

* * *

Я закончила свою трапезу в спешке, даже не почувствовав толком вкуса еды. Кажется, у меня расстройство желудка. Но я не думаю, что это из-за лекарства. Наоборот, видя, что отёчность спала, похоже, что лекарство, которая дала мне свекровь, не вредно для организма. Я вышла на улицу, где она меня ждала, чувствуя, как всё внутри сжимается.

Погода была отличная, как в день свадьбы. Леди Минерва мне помахала издалека, а я старалась не дрожать.

«Первым делом я должна извиниться».

От внезапного крика о том, что я ничего не знаю, до того, что сбежала, потому что захотела этого. Я должна была извиниться за всё.

Из многолетнего опыта я усвоила, что чем скорее я извинюсь, вместо того, чтобы совершать ошибку, держа язык за зубами.

Я подошла к свекрови, которая стояла, положив большой зонт на свое плечо, а затем протянула мне руку, и сразу же опустилась на колени. Я склонила голову и попыталась извиниться, чётко произнося слова. Потому что, если бы я говорила невнятно, меня могут отругать, поэтому я должна попросить прощения сразу же правильно.

— Мне очень жаль, мама. Вчера я...

Зонтик, лежавший на плече свекрови, упал на землю. Поскольку я склонила голову, то он оказался в моем поле зрения. Атмосфера казалась застывшей. Мне даже не надо было поднимать голову, я и так всё знала. Что выражение лица у моей свекрови было нехорошим.

http://tl.rulate.ru/book/52588/1647276